

В. Г. ПУЦКО

«Дска ис Селуня гробная святого Дмитрия»

(К иллюстрации летописного известия 1197 г.)

Д. С. Лихачев большое значение придавал сравнительному изучению изобразительного искусства и литературы Древней Руси и свое видение проблемы обстоятельно изложил в специальной статье, которую можно рассматривать как программную.¹ В частности, автор в ней выражает уверенность, что «лицевые рукописи и клейма икон могут помочь в изучении древнерусского читателя, понимания им текста».² Думается, что это положение вполне может быть проверено на одном конкретном примере, явно не относящемся к числу рядовых.

«Радзивилловская рукопись, украшенная 618 цветными миниатюрами, является копией свода 1206 г., сделанной в конце XV в. <...>. В копировании рисунков принимало участие несколько мастеров», — писал Б. А. Рыбаков, приступая к разбору композиций, оригиналы которых восходят к XI—началу XIII в.³ Особо внимательно рассмотрены исследователем миниатюры владими́ро-суздальского цикла, преимущественно сюжеты с политической окраской.⁴ Вероятно, по этой причине обойдена молчанием миниатюра на л. 242, с изображением принесения и торжественной встречи во Владимире в 1197 г. доски от гроба святого великомученика Дмитрия Солунского.⁵ Она иллюстрирует следующие строки летописного текста: «Тое же зимы принесена бысть доска ис Селуня святого Дмитрея гробная, месяца генваря во 2 день, на память святого отца Григорья Нискаго».⁶ На композиции этой сцены и предстоит остановить внимание, поскольку речь идет о весьма примечательном событии церковной жизни Северо-Восточной Руси конца XII в., по своему значению выходящем далеко за рамки локального.

Приведенное сообщение, с некоторым разночтением, содержится и в Лаврентьевской летописи под тем же 1197 г.: «...принесена бысть дска ис Селуня

¹ Лихачев Д. С. Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 3—10.

² Там же. С. 4.

³ Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X—XII вв. // Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 188.

⁴ Там же. С. 225—236. См. также: Рыбаков Б. А. Борьба за суздальское наследство в 1174—1176 гг. по миниатюрам Радзивилловской летописи // Средневековая Русь. М., 1976. С. 89—101.

⁵ Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н. Описание миниатюр Радзивилловской летописи // Радзивилловская летопись: Текст, исследование, описание миниатюр. М., 1994. С. 395 (М. 606).

⁶ Там же. С. 253. Тот же текст: ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 159.

гробная святого Дмитрия, месяца генваря в 10 день, на память святого отца Григория Ниськаго». ⁷ Память св. Григория, епископа Нисского в Каппадокии, по церковному календарю действительно приходится на 10-е, а не на 2-е января, как значится в Радзивилловской летописи. ⁸ Об этом же событии упомянуто и в похвале великому князю Всеволоду Юрьевичу в Лаврентьевской летописи под 1212 г.: «...и принесе доску гробную из Селуня, святого мученика Дмитрия, мюре непрестанно точащую, на здравье немощным в той церкви постави, и сорочку того же мученика ту же положи». ⁹ Именно это торжественное перенесение доски гроба видим в изображении миниатюры (рис. 1).

Отмеченная иллюстрация летописи своими лаконичными средствами, в технике контурного рисунка пером, с подцветкой, изображает церковную процессию, движущуюся в направлении к однокупольному храму с позакомарным покрытием, проходя мимо высокого массивного башенного сооружения с плоским верхом, отдаленно напоминающего средневековую сторожевую башню. Очевидно, это условное изображение вступления в город. Впереди два клирика в стихарях, без обозначения ораря на левом плече: поэтому нельзя уверенно определить их как диаконов, хотя, похоже, первый из них, молодой, в простертой вперед правой руке мог держать кадило (край листа обрезан вместе с частью изображения). В любом случае он несет хоругвь на высоком древке, завершающемся крестом, которая развевается на высоте церковной главы. Второй — с шестиконечным выносным крестом в руках. Нам неизвестны реалии такого типа, относящиеся к рубежу XII—XIII вв., и поэтому нельзя исключить привнесение более поздней формы, тем более что в Новгороде и в начале XIV в. бытовали процессионные кресты традиционной византийской формы, с дисками на концах. За крестоносцем идет седобородый епископ, голова которого окружена нимбом, в светлых подризнике, фелони и омофоре, с золотистыми епитрахилью и палицей (епископием), держащий в правой руке перед грудью кодекс Евангелия, а в левой — тонкий воздвизальный крест. В указанное время епархиальным архиереем являлся ростовский и суздальский епископ Иоанн (1190—1214). ¹⁰ За ним следуют двое пожилых священников в белых греческих фелонях с золотыми оплечьями, двое игуменов или иноков, в мантиях и клобуках; за ними видны макушки голов, условно обозначающие толпу. Наконец, двое крепкого телосложения отроков в длинных рубахах и сапожках несут (фактически лишь поддерживают) массивную колоду правильной прямоугольной формы. Это и есть доска гроба, привезенная из Солуни.

Архитектурные формы изображенного храма делают его весьма похожим на Дмитриевский собор во Владимире, и вряд ли можно в таких случаях требовать от миниатюриста большего сходства, особенно в пропорциях и деталях. Отчасти удивляет лишь отсутствие в этой церковной процессии великого князя Всеволода. Впрочем, в цитированном летописном известии его имя не упомянуто, и речь идет только о принесении доски от гроба св. великомученика Димитрия, что со всей наглядностью и воспроизведено в миниатюре.

⁷ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 414.

⁸ Лосева О. В. Русские Месяцесловы XI—XIV веков. М., 2001. С. 245.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 427.

¹⁰ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 329.

Рис. 1. Принесение доски от гроба св. Димитрия Солунского во Владимир. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в. Санкт-Петербург, Библиотека Российской Академии наук.

Иконографическая формула описанной композиции близко напоминает византийские миниатюры роскошных константинопольских рукописей, выполненных в императорском скриптории в X—XI вв., с изображениями крестных ходов и перенесениями мощей различных святых, на фоне знаменитых церковных построек столицы¹¹ (рис. 2). Это прежде всего иллюстрации знаменитого Менология Василия II (Рим, Библиотека Ватикана, gr. 1613), выполненного около 985 г.¹² Стоит обратить внимание хотя бы на изображение мощей св. Иоанна Златоуста в низкой деревянной раке прямоугольной формы, несомых священниками, и навстречу им выходят император и архиепископ с клиром (л. 363). В этом и подобных случаях изображение архитектурного фона оказывается столь точным, что он может быть успешно использован для реконструкции представленного здесь храма Свв. Апостолов.¹³ Однако далеко не всегда и в лучших образцах византийского столичного искусства встречается

¹¹ *Беляев Д.* Byzantina: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. III // Записки классического отд. Имп. Русского Археологического общ. СПб., 1907. Т. IV. С. 113—123. Рис. 19, 20.

¹² *Stornajolo C.* Il Menologio di Basilio II (Cod. Vaticano Greco 1613). Torine, 1907. Vol. I—II (Codices e Vaticanis Selecti. Vol. VIII).

¹³ *Krautheimer R.* A Note on Justinian's Church of the Holy Apostles in Constantinople // Mélanges Eugène Tisserant. Città del Vaticano, 1964. Vol. II, 1 (Studi e testi. N 232). P. 265—270.

1

2

Рис. 2. Перенесение мощей свт. Иоанна Златоуста: миниатюра Менология Василия II. Около 985 г. Рим, Библиотека Ватикана (1); Миниатюра Евангелия. Около 1059 г. Афон, монастырь Дионисиат, ризница (2).

такая же высокая степень исторической достоверности, отражающая реалии. Примером может служить хотя бы миниатюра, украшающая выполненное около 1059 г. Евангелие, ныне находящееся в монастыре Дионисиат на Афоне (cod. 587), с тем же сюжетом — перенесением мощей св. Иоанна Златоуста (л. 144 об.).¹⁴ четыре священника в предшествии архиерея с Евангелием и кадилом в руках, в сопровождении клира несут без видимых усилий тяжелый каменный саркофаг с двускатной крышкой. Русский миниатюрист, иллюстрировавший событие 1197 г., можно думать, в целом правильно усвоил принципы византийской иконографии, насколько об этом позволяет судить копия конца XV в.

Надо заметить, что в тексте Радзивилловской летописи и в ее иллюстрации с исключительной определенностью представлена принесенная солунская реликвия — массивная доска с гробницы св. Димитрия, но не написанная на ней икона, которую несли бы в положении близком к вертикальному. Предание об идентичности ей сохранившейся иконы (размером 169 × 86 см) с изображением св. Димитрия Солунского, выполненной Кириллом Улановым в 1701 г. в Успенском соборе Московского Кремля, по-видимому, позднего происхождения.¹⁵ Иконная доска состоит из трех дубовых частей, из которых средняя по ширине соответствует центральному полю. Существующее изображение, судя по рисунку, действительно повторяет более раннее, но только при этом имеющее мало общего с византийской иконописью XII в. Известен список ныне скрытого под записью 1701 г. изображения на упомянутой доске, выполненный в 1586 г. по заказу боярина Д. И. Годунова и украшенный чеканным серебряным окладом, вложенный им в Костромской Ипатьевский монастырь (размером 162 × 88 см).¹⁶ В литературе уже было отмечено, что «изящные пропорции тонкой, стройной фигуры святого, видимо, соответствуют „начертанию“ 1517 г.».¹⁷ Последнее с иконы Успенского собора перенесено в ее годуновский список, басменный оклад которого имеет отголоски палеологовского стиля. Кроме того, известна происходящая из Владимира икона стоящего в рост св. Димитрия (размером 146 × 76 см), с фрагментарно сохранившейся живописью, датируемая по характеру иконной доски не позднее XIII—первой половины XIV в.¹⁸ Великомученик представлен в образе юного воина, вынимающего меч из ножен, в отличие от предыдущих иного иконографического извода. Могут ли они восходить к общему источнику, некогда почитаемому во Владимире в качества солунской реликвии?

¹⁴ *Pelekanidis S. M., Christou P. C., Tsioumis Ch., Kadas S. N. The Treasures of Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Athens, 1974. Vol. I. P. 444. Fig. 259.*

¹⁵ Ср.: *Смирнова Э. С. Храмовая икона Дмитриевского собора: Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М., 1997. С. 220—254; Толстая Т. В. Икона «Дмитрий Солунский» // Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 118—121. Кат. 28 (датировка доски XII в. под вопросом. Местонахождение иконы в Успенском соборе Кремля впервые зафиксировано в 1560-е гг. (Степенная книга)).*

¹⁶ *Постшикова-Лосева М. М. К вопросу об отражении византийской художественной культуры в золотом и серебряном деле Древней Руси (серебряный оклад иконы Димитрия Солунского 1586 г.) // ВВ. М., 1969. Т. XXX. С. 233—242.*

¹⁷ Там же. С. 234.

¹⁸ *Попов Г. В. Декорация фасадов Дмитриевского собора и культура Владимирского княжества на рубеже XII—XIII вв. // Дмитриевский собор во Владимире. С. 42—44. Ил. 9.*

Иконография св. Димитрия Солунского, насколько ее можно проследить по византийским произведениям, при незначительном разнообразии все же отличается относительной стабильностью. По крайней мере таковы иконы, ныне хранящиеся в монастыре Св. Екатерины на Синае, выполненные до 1200 г.¹⁹ Особенно существенно, что этот образ, с тонкими усами и короткой раздвоенной бородой, представлен в широко известной мозаике, выполненной константинопольскими мастерами около 1108—1113 гг. и украшавшей южную лопатку крестчатого северо-восточного алтарного столба собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве.²⁰ Схожим оказывается облик св. Димитрия также на иконе конца XII—начала XIII в. из Дмитрова, изображающей великомученика сидящим на троне и вынимающим меч из ножен.²¹ Принципиально не исключено проникновение из Константинополя и Солуни во Владимир около 1200 г. икон св. Димитрия, которые соответствовали сложившейся в Византии художественной традиции. В то же время становится очевидной невозможность отождествления ни одной из сохранившихся икон с якобы уже выполненной к 1197 г. на доске от гроба. Попутно надо заметить, что популярность облика св. Димитрия Солунского как юного воина приходится преимущественно на XIV в., подтверждением чему отчасти являются относимые именно к этому времени икона в монастыре Ватопед на Афоне и небольшая по размерам (24 × 16,5 см) изысканная мозаика в Сассоферрато.²²

Помещенная в Лаврентьевской летописи под 1212 г., после известия о смерти князя Всеволода, «Похвала» ему содержит упоминание о том, что князь наряду с «доской гробной из Солуны» еще «и сорочку того же мученика ту же положи». Время появления этой второй реликвии во Владимире не зафиксировано, но по порядку ее упоминания после принесения гробной доски в 1197 г. в сущности следовало бы говорить о более позднем привозе, хотя могла она, конечно, быть доставлена и раньше. О реликвиях св. Димитрия и их художественном оформлении в Византии довольно хорошо известно.²³ Среди сохранившихся реликвариев особое место занимает реликварий, выполненный из позолоченного серебра и украшенный чернью около 1059—1067 гг., в виде восьмигранного купольного кивория, со второй половины XII в. находившийся в царской Образной палате, а с 1770-х гг. внесенный в описи Успенского собора Московского Кремля и наконец переданный на хранение в Патриаршую ризницу.²⁴ Предполагать его нахождение с 1197 г. в Дмитриевском соборе во Владимире нет никаких оснований: иначе такая достопримечательность не-

¹⁹ *Sotiriou G., Sotiriou M. Icones du Mont Sinai. Athènes. 1956. Vol. I. Fig. 47, 69, 70.*

²⁰ Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. М., 1996. Т. 1. Древнерусское искусство X—начала XV века. С. 40—41. Кат. 2.

²¹ Там же. С. 66—67. Кат. 14.

²² *Вейцман К., Хадзидакис М., Миятев К., Радоичич С.* Иконы на Балканах: Синай, Греция, Болгария, Югославия. София-Белград, 1967. С. XXIX, XXVIII, LXXXVI, LXXXVII. Табл. 60, 72.

²³ *Grabar A.* Quelques reliquaires de saint Démétrios et le Martyrium du Saint à Salonique // *Dumbarton Oaks Papers.* Washington, 1950. Vol. V. P. 1—28; *Pallas D.* Le ciborium hexagonal de Saint-Démétrios de Thessalonique // *Зограф.* Бр. 10. Београд, 1979. С. 44—58; *Залеская В. Н.* Группа свинцовых ампул-евлогий из Фессалоник // *СА.* 1980. № 3. С. 263—269.

²⁴ *Стерлигова И. А.* 1) Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси // *Дмитриевский собор во Владимире.* С. 255—272; 2) *Реликварий святого Димитрия Солунского // Христианские реликвии в Московском Кремле.* С. 115—118. Кат. 27.

пременно была бы отмечена в упомянутой «Похвале». Подобные элитарные образцы византийской торевтики оказались на Западе главным образом вследствие разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г., а на Руси они появляются лишь в XVI—XVII вв., когда греческое духовенство устремилось за материальной помощью в Москву. Приезжали с этой целью и высокие иерархи, хорошо понимавшие, что от подношений зависит награда. Вообще, греки неохотно расставались с ювелирными изделиями, но то, что успело переместиться в Россию, было здесь принято с большим пиететом, как великая христианская святыня.

В истории византийско-русских церковных и культурных отношений пришло время четко разграничивать то, что реально было и что лишь могло быть, не ставя между этими понятиями знак равенства. Разумеется, не приходится говорить о массовом привозе из Византии икон, хотя их привозили в различное время, что было исключительно важным событием, порой упоминаемым в летописях. Если не принимать во внимание завезенные в XVI—XVII вв. греками фальшивые реликвии, то перечень прослеживаемых по надписям на крестах и ковчегах мощей довольно скромный.²⁵ Показательно, что в воздвизальный крест 1161 г. преп. Евфросиния Полоцкой была помещена кровь св. Димитрия Солунского.²⁶ В серебряном ковчеге-мощевике 1414 г. обозначено «Дмитрово миро»,²⁷ как и в наперсном кресте 1460-х гг. из ризницы Спасо-Ярославского монастыря.²⁸ Все это конкретные реликвии, столь же реальные, как и событие 1197 г., которое запечатлено в композиции миниатюры Радзивилловской летописи. Ее анализ, с привлечением разнообразного сравнительного материала, убеждает в том, что достоверность здесь явно стоит на первом месте.

²⁵ См.: Пуцко В. Г. Серенский энколпион и христианские реликвии в Древней Руси // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 2002. Вып. 4, ч. 1. С. 94—102.

²⁶ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV веков // Археология СССР: Свод археологических источников / Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М., 1964. Вып. Е 1—44. С. 32—33. Табл. XXXI. Кат. 27.

²⁷ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. // Археология СССР. Свод археологических источников / Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М., 1971. Вып. Е 1—49. С. 33—34. Табл. 1. Кат. 1.

²⁸ Там же. С. 94—95. Табл. 67, 68. Кат. 101.